

УДК 904«634»(571.150)

К.Ю. Кирюшин¹, С.М. Ситников²¹Институт археологии и этнографии СО РАН
пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия
E-mail: kirill-kirushin@mail.ru²Алтайская государственная педагогическая академия
ул. Молодежная, 55, Барнаул, 656031, Россия
E-mail: sitn@uni.altai.ru

ПРОБЛЕМЫ ХРОНОЛОГИИ, ПЕРИОДИЗАЦИИ И КУЛЬТУРНОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ ПАМЯТНИКОВ НЕОЛИТА КУЛУНДЫ*

В работе рассматриваются история изучения памятников каменного века Кулундинской степи, научные концепции о периодизации и культурной принадлежности микролитических комплексов Кулунды, опубликованные в отечественной литературе во второй половине XX – начале XXI в. Анализируются материалы поселения Новоильинка III, которые относятся к «гребенчато-ямочной общности эпохи раннего металла». Результаты радиоуглеродного датирования, анализа каменных, керамических и фаунистических коллекций свидетельствуют о том, что эти материалы представляют переходный от неолита к бронзовому веку период. Научный потенциал и перспективы исследования поселения Новоильинка III позволяют надеяться на получение новых высокоинформативных материалов, которые помогут продвинуться в решении сложных проблем этнокультурной ситуации на Алтае в эпохи неолита и ранней бронзы.

Ключевые слова: археология, археологические раскопки, неолит, энеолит, эпоха ранней бронзы, поселение, керамика, призматическое расщепление, пластина.

Введение

Кулундинская степь является одной из самых интересных культурно-исторических провинций. Эта равнина приподнята над уровнем моря на 100–200 м, имеет плоскую, с небольшими уклонами, поверхность. Здесь встречаются многочисленные бессточные впадины, занятые солончаками и озерами, участки с бугристым и грядовым рельефом эолового происхождения [Рассынов, 2000, с. 25]. Реки Кулунды имеют неглубокие долины, извилистое русло, невысокие и широкие уступы

террас [Ревякин, Пушкарев, Ревякина, 1989, с. 11]. Для рек характерно снеговое питание, с весенним полноводьем, в летнее время они мелеют, во многих местах пересыхают [Сидоренко, 1972, с. 30]. На территории Кулундинской степи находятся многочисленные (более 2 тыс.) озера разнообразной площади: от трех – пяти до десятков тысяч гектаров. Все они мелкие, глубина редко превышает 3–4 м, по свойствам воды делятся на соленые, горько-соленые и пресные. Наиболее многочисленны в степи горько-соленые и соленые озера. Вторую группу составляют проточные пресные озера в системах рек Бурлы, Касмалы, Барнаулки. Для них характерны сильно удлинённая форма и последовательное расположение одного за другим. На водоразделах указанных рек разбросаны небольшие замкнутые озера, в большинстве своем не имеющие постоянной связи с рекой и соединяющиеся лишь во время больших весенних паводков. Третью группу составляют

*Работа выполнена при финансовой поддержке федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России», проект «Комплексные исторические исследования в области изучения Западной и Южной Сибири с древнейших времен до современности» (2009-1.1-301-072-016).

небольшие блюдцеобразные озера, в беспорядке разбросанные по всей степи. Многие из них пресные и наполняются водой только в весенне-осенний период [Камбалов, 1952, с. 59–60].

История изучения памятников каменного века Кулунды

Долгое время внимание исследователей прошлого Кулунды в основном было сконцентрировано на памятниках эпохи бронзы и железа [Кирюшин и др., 1988; Иванов, 1988, 1989; Удодов, 1990; Кирюшин, Удодов, 1991; Ситников, 1995, 1997; Кирюшин, Папин, Шамшин, 1999; Гельмель, Ситников, 2000]. Местонахождения каменного века в Кулундинской степи исследуются с 1969 г., когда в Карасукском р-не Новосибирской обл. начал работать Западно-Сибирский отряд ИА АН СССР под руководством М.Ф. Косарева [Куйбышев, 1976]. В 1969–1971 гг. было открыто более 20 местонахождений керамики и каменных орудий, в т.ч. три с культурным слоем [Косарев, Куйбышев, 1974; Куйбышев, 1976]. Материалы стоянки Мелкое I А.В. Куйбышев отнес предположительно к концу мезолита или ранней стадии неолита [1976]. Интересные данные были получены при исследовании памятника Мелкое II, датированного «поздним неолитом или энеолитом, т.е. концом III – началом II тыс. до н.э.» [Там же, с. 57]. А.В. Куйбышев отметил сходство археологических коллекций с этой стоянки и с поселения Киприно на верхней Оби [Там же]. Обнаруженные в раскопе кости лошади, крупного и мелкого рогатого скота позволили автору сделать вывод о комплексном характере хозяйства древних кулундинцев, в котором зачаточное скотоводство сочеталось с рыболовством, охотой и собирательством [Там же, с. 56]. А.В. Куйбышев приводит некоторые характеристики каменной индустрии памятников Благодатное, Мелкое I и II, Шилова-Курья. Обращает на себя внимание то, что на всех этих стоянках представлено значительное количество концевых скребков на пластинах, ножевидных пластин с обработкой и без нее. Стоит отметить также преобладание скребков в составе орудийных наборов [Там же, с. 57]. В 1983–1984 гг. В.С. Удодовым были открыты два местонахождения каменного века близ с. Усть-Курья и на оз. Кабаньем [Кунгуров, Удодов, 1990]. Большинство собранных артефактов авторы публикации отнесли к мезолиту – раннему неолиту, а часть – к палеолиту. В следующей статье исследователи ввели в научный оборот материалы памятников

Усть-Курья, Кабанье и Береговое, датировав их ранним неолитом [Кунгуров, Удодов, 1993]. На этих поселениях первичное расщепление представлено призматическими нуклеусами, техническими сколами с них, пластинами, а орудия на пластинах составляют значительные серии [Там же]. В 1993 г. на берегу оз. Кабанье у с. Устьянка Бурлинского р-на Алтайского края были собраны фрагменты керамики и изделия из камня [Гельмель, 1995]. Выявленное поселение получило название Устьянка-Водопой. Собранные коллекции автор отнес к неолиту и раннему металлу [Там же]. Можно сделать вывод, что отдельные сборы и подъемные материалы с разрушенных памятников представляют достаточно мозаичную картину. Фрагментарность имеющихся в нашем распоряжении коллекций не позволяет даже в общих чертах реконструировать этнокультурные процессы на территории Кулунды в эпоху неолита.

Археологические коллекции с поселения Новоильинка III

В последние годы получены новые представительные материалы с поселения Новоильинка III в Хабарском р-не Алтайского края. Памятник открыт

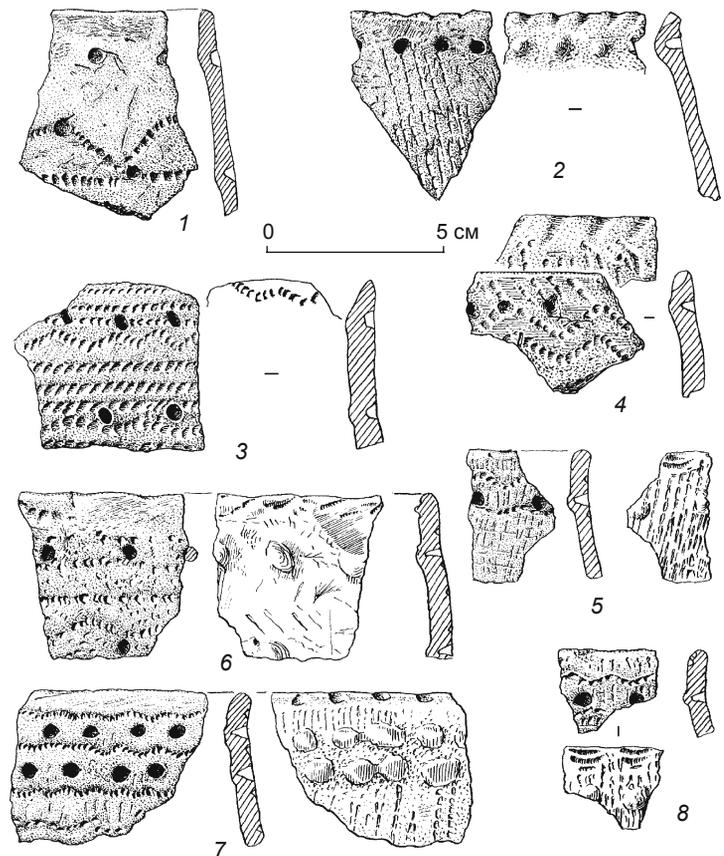

Рис. 1. Керамика с поселения Новоильинка III.

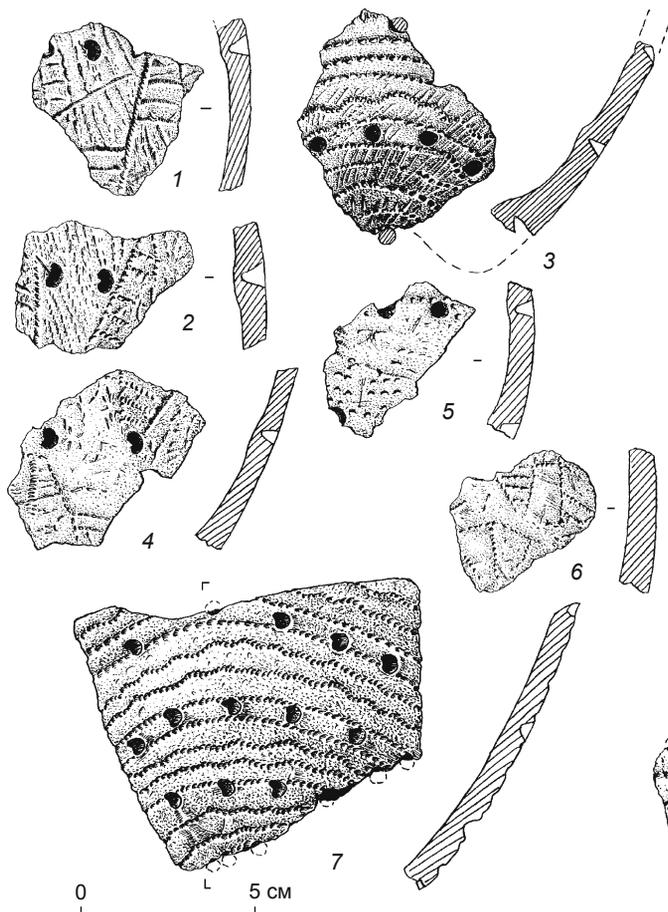

Рис. 2. Керамика с поселения Новоильинка III.

в 2004 г. С.М. Ситниковым, под руководством которого вскрыто ок. 30 м². Обстоятельства залегания материалов позволяют говорить о сохранности культурного слоя в непереотложенном состоянии. В первой публикации рассматривались проблемы хронологии, периодизации и культурной принадлежности памятника [Ситников, Грушин, Гельмель, 2006]. Исследователи отмечали научный потенциал и перспективы исследования поселения Новоильинка III, а также близость собранной там керамической коллекции к керамике с поселения Киприно и других памятников кипринского типа. Материалы Новоильинки III были предварительно датированы первой половиной III тыс. до н.э. и отнесены к позднему неолиту – энеолиту [Там же].

Коллекция керамики, полученная в результате раскопок, насчитывает 394 экз. Наиболее представительная ее часть – черепки сосудов, орнаментированных рядами (прямыми или волнистыми) оттисков отступающей палочки, разделенными рядами наколов: 16 фрагментов венчиков (рис. 1, 1, 3–8), 2 – придонной части (рис. 2, 3, 7) и 225 фрагментов стенок (рис. 3, 1–3), из которых почти половина очень мелкие, от 1×1 до 2×2 см. В одном случае отпечатки отступающей па-

лочка образуют ряды треугольников по венчику (см. рис. 1, 1). Как правило, толщина стенок сосудов этой группы 6–9 мм.

Шагающей гребенкой орнаментировано 30 фрагментов стенок (см. рис. 3, 4–8) и один – венчика (см. рис. 1, 2). Толщина стенок сосудов этой группы 4–6 мм. Геометрический орнамент зафиксирован на восьми фрагментах (см. рис. 2, 1, 2, 4, 6). Эта группа керамики представлена очень фрагментарно, но на имеющихся в нашем распоряжении черепках прослеживаются заштрихованные треугольники. Орнамент нанесен гребенчатым штампом с элементами протаскивания. Толщина стенок сосудов данной группы 5–8 мм. Довольно много неорнаментированной керамики – 113 экз., но в основном это очень мелкие фрагменты, от 1×1 до 2×2 см.

Подобное разделение керамики на группы носит достаточно условный характер. На некоторых фрагментах хорошо видно, что ряды отпечатков отступающей палочки и наколы нанесены

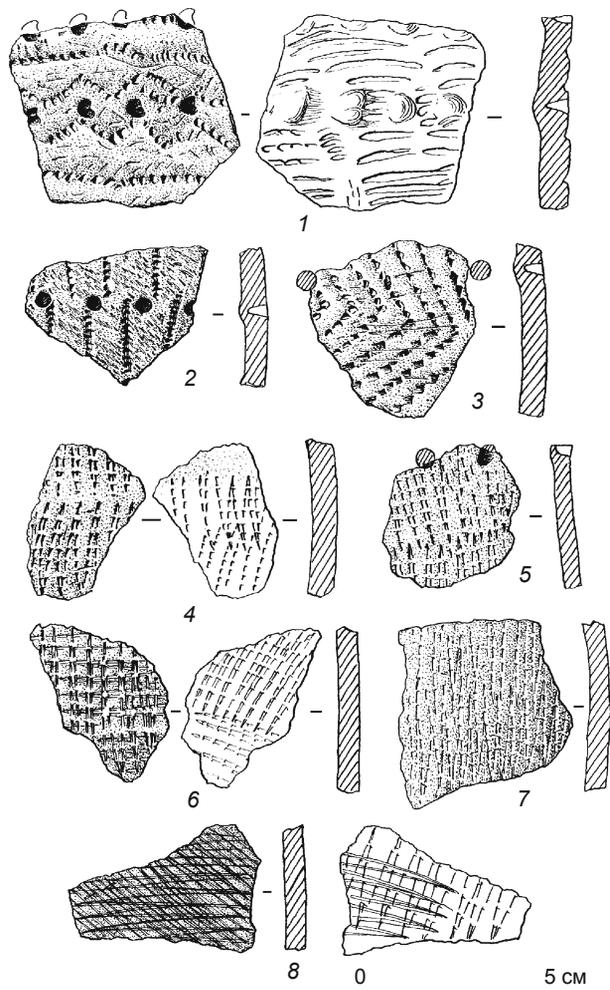

Рис. 3. Керамика с поселения Новоильинка III.

поверх оттисков шагающей гребенки (см. рис. 1, 2, 4, 5, 8; 2, 3; 3, 5). У отдельных сосудов (см. рис. 2, 3) прослеживаются какие-то следы обработки поверхности до орнаментации, но идентифицировать способы обработки нам не удалось. Многие фрагменты венчиков орнаментированы по верхней кромке с внутренней стороны сосуда насечками (см. рис. 1, 2, 4–8) или отпечатками гребчатого штампа (см. рис. 1, 3). Последние прослеживаются и на внутренней поверхности черепков (см. рис. 1, 4–8; 3, 1, 4, 6, 8). Мы предполагаем, что гребчатый штамп мог использоваться при конструировании сосуда для обработки стыков между глиняными жгутами (или лентами).

По причине сильной фрагментированности форму сосудов нельзя реконструировать, можно только отметить, что, судя по двум фрагментам, днища были приостренные (см. рис. 2, 3, 7), а некоторые сосуды имели венчик, слегка отогнутый наружу. Визуально фиксируются следы органических веществ в тесте.

Коллекция каменных артефактов с поселения Новоильинка III насчитывает 101 экз. К сожалению, данную выборку нельзя считать представительной. Анализ любой каменной индустрии предполагает создание типлиста. Ввиду немногочисленности коллекции мы ограничимся описанием каменных артефактов и общими предварительными выводами.

Продукты первичного расщепления представлены мелким пластинчатым отщепом. Орудийный набор составляют 44 изделия: орудия на пластинах (1 экз.), отщепах (37 экз.), с подшлифовкой (6 экз.). К орудиям на пластинах относится резец, выполненный на медиальном фрагменте (рис. 4, 10). Наиболее представительная категория орудий на отщепах – скребки (24 экз.), из которых 20 целых (рис. 4, 1–3, 5–7, 9, 12, 13) и 4 обломка. Выделяются крупные (рис. 4, 1), средних размеров (рис. 4, 2, 3, 5–7, 9) и мелкие (рис. 4, 12, 13) изделия. Овальные (круглые) скребки (7 экз.) выполнены на обычных отщепах (рис. 4, 1, 3, 12). Выпуклый рабочий край занимает весь периметр заготовки. Оформлен дорсальной, модифицирующей, краевой, либо захватывающей, равнофасеточной, либо разнофасеточной, местами чешуйчато-ступенчатой ретушью. Полуовальных скребков 8 экз. (рис. 4, 2, 9, 13). Выпуклый рабочий край занимает 3/4 периметра заготовки. Он оформлен так

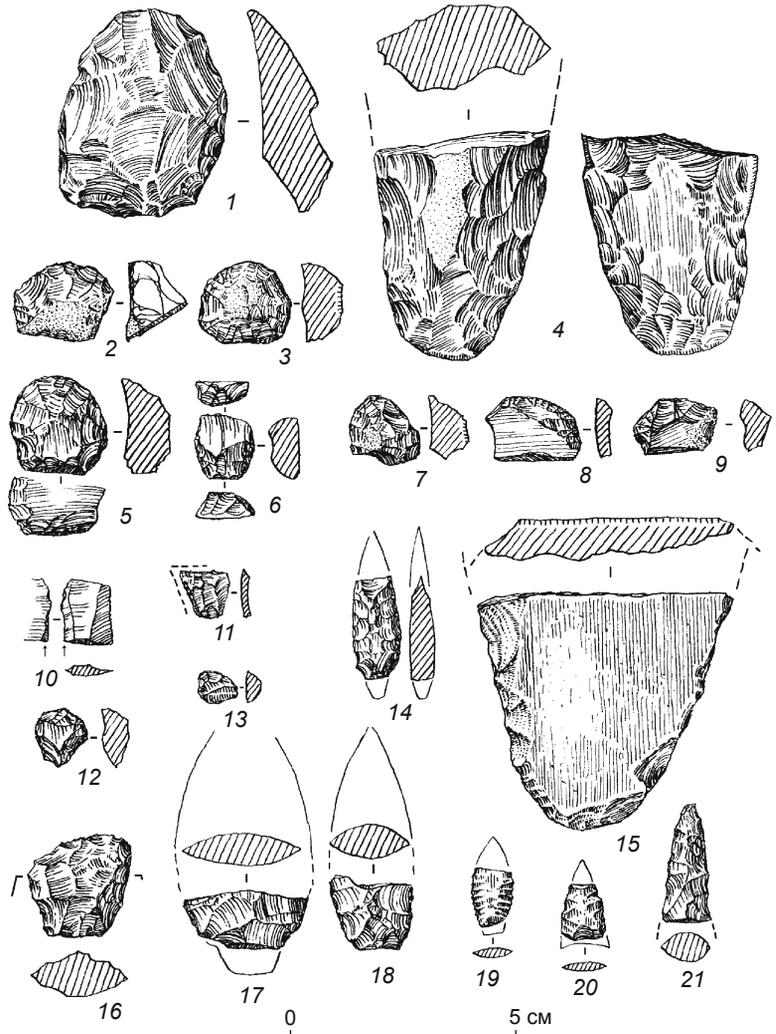

Рис. 4. Каменный инвентарь с поселения Новоильинка III.
1–3, 5–9, 12, 13 – скребки; 4 – обломок рубящего орудия; 10 – резец на пластине; 11 – острие; 14, 17–21 – обломки наконечников стрел; 15 – абразив; 16 – комбинированное орудие.

же, как у овальных скребков. Один скребок двойной (рис. 4, 6). Рабочие лезвия расположены на противоположных краях заготовки, оформлены крутой ретушью. Концевой боковой скребок также один (рис. 4, 5). Рабочие лезвия расположены на дистальном и боковом краях заготовки. Первое оформлено дорсальной крутой чешуйчато-ступенчатой ретушью, второе – двусторонней: с дорсальной стороны – крутой, с вентральной – плоской ретушью. Скошенные скребки (2 экз.) выполнены на обычных отщепах (рис. 4, 8). Рабочие края оформлены дорсальной полукрутой ретушью. Веерообразный скребок (рис. 4, 7) также выполнен на простом отщепе. Рабочий край расположен на дистальном конце заготовки, оформлен дорсальной полукрутой чешуйчато-ступенчатой ретушью.

Вторая по численности категория – обломки наконечников стрел (7 экз.), выполненных на отщепах

(рис. 4, 14, 17–21). Поскольку все изделия этой категории фрагментированы, мы не будем подробно останавливаться на их типологии, но, видимо, большинство относится к т.н. наконечникам иволистной (рис. 4, 14, 17, 19) либо подтреугольной (рис. 4, 20) формы. У одного обломка выделен черешок (рис. 4, 17). Отщепов с ретушью 4 экз. Острие одно, типичное асимметричное (рис. 4, 11). К комбинированным изделиям можно отнести обломок крупного наконечника стрелы, на котором оформлен скребок (рис. 4, 16). Орудия с подшлифовкой представлены в основном обломками (3 экз.). Среди них очень выразителен фрагмент крупного рубящего орудия (рис. 4, 4). К этой категории нами также отнесены два абразива (рис. 4, 15).

Отходы производства (56 экз.) – наиболее массовый материал. Выделены чешуйки (16 экз.), отщепы (30 экз.) и осколки (10 экз.). К чешуйкам отнесены сколы диаметром менее 1 см. Ударные площадки либо точечные, либо неопределимые. Большинство отщепов (26 экз.) мелкие (от 1 до 3 см), четыре средних размеров (от 3 до 5 см). Среди осколков шесть мелких (от 1 до 3 см), три средних (от 3 до 5 см) и один крупный (свыше 5 см).

Таким образом, коллекция изделий из камня с поселения Новоильинка III отличается от каменного инвентаря с памятников Благодатное, Мелкое I и II, Шилова-Курья [Куйбышев, 1976, с. 57], Усть-Курья, Кабанье и Береговое [Кунгуров, Удодов, 1993], где пластины, орудия на пластинах составляют представительные серии. Видимо, можно говорить о их одновременности.

Анализ остеологических коллекций с поселения Новоильинка III, выполненный С.К. Васильевым, показал, что среди определимых костных остатков абсолютно преобладают кости лошади [Ситников, Васильев, Кирюшин, 2007, с. 363]. Большинство их промеров приближается к средним значениям, полученным по аналогичным материалам с поселения Ботай в Северном Казахстане, и в целом фауна, представленная на этих памятниках, весьма близка по своему составу и относительному обилию видов [Там же, с. 365]. Среди исследователей нет единства в отношении существования скотоводства у ботайцев. Некоторые считают ботайскую лошадь дикой. Мы склонны думать, что обитатели поселения Новоильинка III занимались скотоводством. Возможно, на формирование хозяйственно-культурного типа этого поселения оказало влияние население Восточного Казахстана [Там же].

Проблемы хронологии и культурной принадлежности поселения Новоильинка III

Керамика из Новоильинки III имеет много общего с посудой кипринского типа с территории Верхнего Приобья. Впервые вопросы культурной принадлеж-

ности поселенческих комплексов неолита Верхнего Приобья были рассмотрены М.Н. Комаровой [1956, с. 94], которая «по характеру керамики» выделила в этом регионе три типа памятников (кипринский, ирбинский и кротовский), соответствующие трем хронологическим этапам неолитической культуры. Позднее поселения кротовского типа были отнесены к эпохе ранней бронзы и выделены В.И. Молодиным [1977, с. 48] в самостоятельную кротовскую культуру. В.И. Матюшенко [1973, с. 110, 121] включил поселенческие комплексы Верхнего Приобья в верхнеобскую неолитическую культуру, в которой выделялись два хронологических этапа – кипринский и ирбинский. Он также предложил датировать их IV–III тыс. до н.э., отметив, что это время частично соответствует афанасьевскому в Южной Сибири [Матюшенко, 1960, с. 14]. По мнению В.И. Молодина [1977, с. 25], развитие верхнеобской неолитической культуры происходило в два этапа: ранний – завьяловский, поздний – кипринский. Ирбинские памятники он отнес к эпохе раннего металла [Там же, с. 36]. В.А. Зах [2003, с. 146, 155] выделил два этапа верхнеобской неолитической культуры: ранний – изылинский, поздний – кипринский. Ирбинские памятники он также отнес к эпохе раннего металла.

Таким образом, большинство исследователей в рамках единой неолитической культуры выделяют несколько хронологических этапов (чаще два). У всех присутствует кипринский, в двух случаях он ранний, в двух – поздний. На сегодняшний день не вызывает сомнения выделение В.И. Молодиным самостоятельной кротовской культуры. Отдельно стоит остановиться на точке зрения Ю.Ф. Кирюшина [2002, с. 38–45], который в полном объеме ввел в научный оборот материалы поселений Киприно и Ирба. По его мнению, эти комплексы относятся к эпохе энеолита. Памятники ирбинского типа [Молодин, 1977], или культуры [Кунгуров, 2007], или комплекса [Зах, 2003; Кунгурова, 2003] специалисты относят либо к эпохе раннего металла [Молодин, 1977; Зах, 2003], либо к финалу каменного века [Кунгуров, 2007] или датируют IV–III тыс. до н.э. [Кунгурова, 2003]. В результате получается достаточно мозаичная картина. Подобная ситуация во многом объясняется характером источников, т.к. большинство материалов получено с разрушенных стоянок, на которых очень часто представлены разновременные комплексы. Это обуславливает возможность субъективного «прочтения» источника через призму той или иной научной концепции, поскольку многие типы каменных артефактов, так же как формы и способы орнаментации керамики, распространены на огромной территории в широком хронологическом диапазоне.

Керамическую коллекцию с поселения Новоильинка III сложно сравнивать с синхронными комплек-

сами Кулунды, т.к. на исследованных памятниках керамика либо отсутствует (Мелкое I) [Куйбышев, 1976, с. 53], либо представлена очень фрагментарно [Там же, с. 57; Гельмель, 1995, с. 46]. Тем не менее обращают на себя внимание различия в технике орнаментации. Ведущий элемент орнамента керамики с поселения Устьянка-Водопой – легкие овальные и каплевидные вдавления, на втором месте – оттиски гребенчатого штампа, единичны – элементы, выполненные качалкой, и глубокие овальные вдавления [Гельмель, 1995]. На стоянке Мелкое II встречена керамика, украшенная ямочным орнаментом, оттисками мелкозубой гребенки, горизонтальными пунктирными линиями [Куйбышев, 1976, с. 56]. Орнаментация сосудов шагающей гребенкой была широко распространена от неолита до ранней бронзы на огромной территории Северной Евразии. Керамика, украшенная геометрическими орнаментами, имеет много общего с материалами ботайской культуры [Зайберт, 1993] и энеолитических памятников Среднего Зауралья [Чаиркина, 2005].

Мы согласны с исследователями, которые отмечают близость керамической коллекции с поселения Новоильинка III и комплексов кипринского типа [Ситников, Грушин, Гельмель, 2006]. Но этот тезис нуждается в уточнении, т.к. археологические материалы с поселения Киприно представляют различные эпохи от неолита до средневековья. Под кипринским типом мы понимаем керамику, описанную М.Н. Комаровой [1956, с. 96, рис. 40]. Это «сосуды параболической формы с выпуклым дном», у которых «орнаментом покрыта вся поверхность... а зачастую и внутренний край венчика». «Почти у всех сосудов выражена зональность орнамента». «Элементы узора состоят из характерных для этой посуды оттисков отступающей палочки, из рядов продолговатых вдавлений, иногда в виде наколов» [Там же].

Несомненно, сосуды с поселения Новоильинка III, орнаментированные рядами оттисков отступающей палочки, разделенными рядами наколов, и посуда с поселения Киприно (кипринский тип) [Молодин, 1977; Кирюшин, 2002] принадлежат к единой культурной традиции. Вместе с тем следует отметить, что для керамики кипринского типа прослеживается широкий круг аналогов в материалах поселений неолита – энеолита Юго-Западного Алтая [Кирюшин, Ключкин, 1985], Барабы [Молодин, 1985] и южно-таежной зоны Западной Сибири [Кирюшин, 2004].

В Юго-Западном Алтае керамика, орнаментированная рядами оттисков отступающей палочки, разделенными рядами наколов, встречается на 10–15 памятниках неолита – энеолита [Кирюшин, Ключкин, 1985, с. 95]. Большая их часть – дюнные стоянки, интенсивно разрушаемые ветровой эрозией. Археологические коллекции с этих памятников представлены подъемным материалом, часто различных историче-

ских периодов, который трудно разделить хронологически [Там же, с. 74].

На территории Барабы керамика, подобная кипринской, есть и в погребальных, и в поселенческих комплексах. Композиционное построение орнамента на сосудах, украшенных рядами оттисков отступающей палочки, разделенными рядами наколов (см. рис. 1, 1), находит аналогии в материалах погребального памятника эпохи раннего металла Сопка 2/2 («гребенчато-ямочная общность») [Молодин, 2001, с. 33, рис. 13, 7]. Керамика, практически идентичная рассматриваемой нами, найдена на поселении Венгерово-3 [Молодин, 1977, с. 33, табл. XXXIII, 1–4; XXXIV, 3; XXXV, 2; XXXVI, 8; 1985, с. 17–18, рис. 3, 1–6, 16, 19]. В.И. Молодин, характеризуя орнаментацию посуды с этого поселения, выделяет восемь способов нанесения орнамента, из которых три первых являются основными, а остальные встречаются значительно реже:

- 1) ямочные наколы (овальные или круглые);
- 2) гребенчатый штамп (мелкозубчатый, крупнозубчатый, подокруглая гребенка);
- 3) вдавления в виде коротких насечек подтреугольной и овальной формы;
- 4) техника отступающей палочки;
- 5) техника отступающей лопаточки;
- 6) техника отступающей гребенки;
- 7) прочерчивание палочкой;
- 8) «шагающая» гребенка, качалка [Молодин, 1985, с. 17].

На поселении Новоильинка III зафиксированы все указанные способы, кроме седьмого. Малая вскрытая площадь удерживает нас от преждевременных выводов, но похоже, что узоры, выполненные отступающей палочкой, в сочетании с ямочными наколами на рассматриваемом памятнике являются основным орнаментальным мотивом. Анализируя композиционное построение орнамента на посуде с поселения Венгерово-3, В.И. Молодин отмечает: «...все композиции в качестве обязательного составного элемента содержат ямочные наколы» [Там же]. Это характерно и для Новоильинки III.

В.И. Молодин, сравнивая керамику из погребений Сопки-2/2 с гребенчато-ямочной посудой Западной Сибири (байрынской, екатерининской, карасевской и т.д.), поднимает проблему культурно-хронологического сопоставления данных комплексов. По его мнению, в настоящее время невозможно однозначно ответить на вопрос, что за этим стоит – археологические культуры в рамках единой общности или культуры, связанные общими традициями орнаментации посуды, но разновременные, относящиеся к различным периодам неолита и раннего металла [Молодин, 2001, с. 39]. Аналоги керамики с поселения Новоильинка III мы обнаруживаем даже в материалах неолита и энеолита южно-таежной зоны Западной Си-

бири [Кирюшин, 2004, рис. 50, 51, 57; 60, 9; 66, 3–7; с. 189]. До внесения ясности В.И. Молодин предлагает использовать термин «гребенчато-ямочная общность эпохи раннего металла» [Молодин, 2001, с. 39]. По его мнению, появление подобных комплексов в неолите возможно, но требует серьезной аргументации на контрасте с материалами поселения Венгерovo-3, где металлические предметы встречены вместе с каменными орудиями, неолитический облик которых не вызывает сомнений [Там же]. Каменный инвентарь этого поселения богат и разнообразен. Пластинчатая индустрия составляет 36,6 % от общего комплекса [Молодин, 1977, с. 45–47, табл. XL–XLIV].

В материалах поселения Новоильинка III продукты призматического расщепления представлены невыразительным пластинчатым отщепом и резцом, выполненным на медиальном фрагменте мелкой пластины. При небольшой вскрытой площади памятника (40 м²) велика вероятность того, что некоторые артефакты просто не попали в зону раскопа. Хотя отсутствие продуктов первичного расщепления (нуклеусов, сколов с них, продуктов подработки ядрищ) – факт достаточно показательный. Видимо, мы фиксируем явление хронологическое – деградацию призматической техники скалывания, начавшуюся в эпоху энеолита и связанную с появлением металлических орудий. Оно хорошо прослеживается в материалах ботайской культуры. В.Ф. Зайберт отмечал, что в ботайском энеолитическом комплексе основной заготовкой служили отщепы различных форм и размеров. По его мнению, крупные пластины с неправильной огранкой являются случайными сколами и стабильных серий не представляют [Зайберт, 1993, с. 185]. Если на поселении Тыткескен-2 в каменном инвентаре энеолитической большемысской культуры прослеживаются признаки деградации призматической техники расщепления, сокращение орудийного набора и т.д. [Кирюшин К.Ю., Кирюшин Ю.Ф., 2008, с. 114], то в материалах Новоильинки III эта техника отсутствует, а состав орудий характерен для поселенческих комплексов эпохи ранней бронзы.

В последние годы отмечается, что наиболее древние металлические изделия в Сибири содержат, кроме меди, искусственные примеси. Правда, «встречаются и чисто медные изделия, но они единичны» [Харинский, Емельянова, Рыков, 2009, с. 86]. На основании этих фактов ученые приходят к следующим выводам: «Отсутствие в истории Прибайкалья периода, на протяжении которого люди использовали только медные вещи, позволяет исключить из региональной культурно-хронологической схемы этап, именуемый энеолитом. Поэтому правомерно считать исторический период с момента появления первых вещей из цветных металлов и до начала распространения железных изделий – бронзовым веком» [Там же].

Можно понять логику исследователей, исключивших из региональной культурно-хронологической схемы этап, «именуемый энеолитом». Наверное, следуя этой логике, термин «энеолит» (медно-каменный век) нужно заменить термином «каменно-цветнометаллический век». В российской археологической литературе существуют два основных подхода к определению понятия «энеолит»: формально-семантический и содержательный [Массон, 1982, с. 5]. Нам импонирует последний, согласно которому энеолит – это переходный от неолита к бронзовому веку период, когда в археологических комплексах появляются первые металлические изделия, местные или привозные [Там же].

В одной из работ мы писали, что отсутствие в поселенческих и погребальных комплексах металлических орудий не должно означать автоматического отнесения их к неолиту [Кирюшин и др., 2006, с. 23]. Изменения в составе каменных орудий вместе с увеличением размеров отдельных артефактов (нуклеусов и пластин), а также изменением их морфологии (заломы, нерегулярность негативов снятий и т.д.) являются основанием для постановки вопроса о принадлежности таких материалов к энеолиту. Если указанные процессы сопровождаются исчезновением некоторых категорий инвентаря (геометрических микролитов, резцов, резчиков, шильев и проколов), комплексы следует считать энеолитическими. Основанием для этого могут также служить следы использования металлических орудий, зафиксированные трасологическим путем на отдельных артефактах [Там же]. По нашему мнению, поселения Венгерovo-3 и Новоильинка III относятся к переходному от неолита к бронзовому веку периоду, в рамках которого первое представляет более ранний этап, а второе – поздний или заключительный.

По костям животных с поселения Новоильинка III получена радиоуглеродная дата $4\ 270 \pm 170$ л.н. (Le-7534), что позволяет отнести материалы памятника ко второй половине III тыс. до н.э. Для елунинских древностей имеется серия радиоуглеродных дат, укладываемых в рамки конца III – первой трети II тыс. до н.э. [Кирюшин, Грушин, Тишкин, 2003, с. 113; Кирюшин, Малолетко, Тишкин, 2005, с. 141]. Некоторые из них (СОАН-3754 – $4\ 205 \pm 65$ л.н., СОАН-3756 – $4\ 570 \pm 75$ л.н.) [Кирюшин, Грушин, Тишкин, 2003, с. 106; Кирюшин, Малолетко, Тишкин, 2005, с. 138] синхронны дате для Новоильинки III либо даже более ранние. В ближайшее время мы планируем получить серию дат по материалам этого поселения. Возможно, удастся отобрать образцы для датирования на других памятниках кипринского типа. Не исключено, что для каких-то из них будут получены даты, позволяющие отнести комплексы к эпохе неолита, но, скорее всего, они будут укладываться в рамки второй половины III тыс. до н.э. В целом древ-

ности кипринского типа, вероятно, предшествуют елунинским, хотя некоторая часть материалов может быть синхронна.

Керамика с поселения Новоильинка III позволяет отнести памятник к кипринскому типу. Не исключено, что с накоплением материалов будет поставлен вопрос о выделении самостоятельной кипринской культуры в рамках «гребенчато-ямочной общности эпохи раннего металла» [Молодин, 2001, с. 38–39], хотя это дискуссионная проблема, которая требует обсуждения.

Заключение

Следует отметить, что отдельные сборы и подъемные материалы с разрушенных памятников эпохи неолита – ранней бронзы не позволяют даже в общих чертах реконструировать этнокультурные процессы на территории Кулунды в неолите. Необходимы целенаправленные работы в регионе по выявлению неолитических памятников. Видимо, следует обратить внимание на наблюдения А.В. Куйбышева, который отмечал: «...поселения как правило располагались по берегам проточных озер с относительно постоянным водным режимом. Стоянки встречены только на тех озерах, где кроме впадающей в озеро реки имелась и впадающая в озеро протока – “курья”, т.е. в местах, удобных для запорного рыболовства» [1976, с. 53]. Видимо, с учетом этого обстоятельства стоит пересмотреть алгоритм поиска неолитических поселений в Кулунде.

Список литературы

- Гельмелъ Ю.И.** Новые материалы из Кулундинской степи // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. – Барнаул: Изд-во Барнаул. гос. пед. ун-та, 1995. – Вып. 5, ч. 2. – С. 42–46.
- Гельмелъ Ю.И., Ситников С.М.** Материалы поселения Новоильинка-I и некоторые проблемы относительной хронологии андроновских памятников Алтая // Актуальные вопросы истории Сибири. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2000. – С. 60–65.
- Зайберт В.Ф.** Энеолит Урало-Иртышского междуречья. – Петропавловск: Наука Респ. Казахстан, 1993. – 246 с.
- Зах В.А.** Эпоха неолита и раннего металла лесостепного Присалаирья и Приобья. – Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2003. – 168 с.
- Иванов Г.Е.** К вопросу об абсолютной и относительной хронологии памятников с валиковой керамикой степного Алтая // Хронология и культурная принадлежность памятников каменного и бронзового веков Южной Сибири. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 1988. – С. 101–104.
- Иванов Г.Е.** Некоторые итоги изучения археологических памятников в зоне алтайских ленточных боров // Археологические исследования в Сибири. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 1989. – С. 23–26.
- Камбалов Н.** Природа и природные богатства Алтайского края. – Барнаул: Алт. кн. изд-во, 1952. – 171 с.
- Киришин К.Ю., Киришин Ю.Ф.** Культурно-хронологические комплексы поселения Тыткескень-2 (итоги работ 1988–1994 гг.) / науч. ред. А.П. Деревянко. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2008. – 335 с.: ил.
- Киришин Ю.Ф.** Энеолит и ранняя бронза юга Западной Сибири. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2002. – 293 с.
- Киришин Ю.Ф.** Энеолит и бронзовый век южно-таежной зоны Западной Сибири. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2004. – 294 с.
- Киришин Ю.Ф., Волков П.В., Киришин К.Ю., Семibrатов В.П.** К вопросу о критериях разделения памятников неолита и энеолита Алтая // Теория и практика археологических исследований. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2006. – Вып. 2. – С. 15–24.
- Киришин Ю.Ф., Гальченко А.В., Удодов В.С., Шамшин А.Б.** Хозяйственно-культурные типы поздней бронзы лесостепного Алтая // Хронология и культурная принадлежность памятников каменного и бронзового веков Южной Сибири. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 1988. – С. 138–142.
- Киришин Ю.Ф., Грушин С.П., Тишкин А.А.** Погребальный обряд населения эпохи ранней бронзы Верхнего Приобья (по материалам грунтового могильника Телеутский Взвоз I). – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2003. – 333 с.
- Киришин Ю.Ф., Клюкин Г.А.** Памятники неолита и бронзы Юго-Западного Алтая // Алтай в эпоху камня и раннего металла. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 1985. – С. 73–117.
- Киришин Ю.Ф., Малолетко А.М., Тишкин А.А.** Березовая Лука – поселение эпохи бронзы в Алейской степи. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2005. – 288 с.: ил. + вкл.
- Киришин Ю.Ф., Папин Д.В., Шамшин А.Б.** Рублево VI – новое поселение эпохи поздней бронзы в Кулундинской степи // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1999. – С. 380–385.
- Киришин Ю.Ф., Удодов В.С.** К археологической карте Кулунды // Охрана и исследование археологических памятников Алтая. – Барнаул: Изд-во Барнаул. гос. пед. ун-та, 1991. – С. 26–29.
- Комарова М.Н.** Неолит Верхнего Приобья // КСИИМК. – 1956. – Вып. 64. – С. 93–103.
- Косарев М.Ф., Куйбышев А.В.** Древние памятники Кулундинской степи // Из истории Сибири. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1974. – Вып. 15. – С. 86–94.
- Куйбышев А.В.** Древние стоянки Кулунды // КСИА. – 1976. – № 148. – С. 53–58.
- Кунгуров А.Л.** Опыт создания периодизации каменного века Алтая // Теория и практика археологических исследований. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2007. – Вып. 3. – С. 130–142.
- Кунгуров А.Л., Удодов В.С.** Находки каменного века в Кулунде // Охрана и использование археологических памятников Алтая. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 1990. – С. 31–33.
- Кунгуров А.Л., Удодов В.С.** Микролитические памятники Кулунды // Культура древних народов Южной Сибири. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 1993. – С. 4–9.

Кунгурова Н.Ю. Поселение Енисейское I – памятник ирбинского типа // Археология и этнография Алтая. – Горно-Алтайск: Изд-во Ин-та алтаистики, 2003. – Вып. 1. – С. 3–9.

Массон В.М. Постановка вопроса: Понятие «энеолит» // Энеолит СССР. – М.: Наука, 1982. – С. 5–8.

Матюшенко В.И. Неолит и бронзовый век в Басейне р. Томи: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Томск, 1960. – 15 с.

Матюшенко В.И. Древняя история населения лесного и лесостепного Приобья (неолит и бронзовый век): Неолитическое время в лесном и лесостепном Приобье: (Верхнеобская неолитическая культура). – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1973. – 147 с.: ил. – (Из истории Сибири; вып. 9).

Молодин В.И. Эпоха неолита и бронзы лесостепного Обь-Иртышья. – Новосибирск: Наука, 1977. – 174 с.

Молодин В.И. Бараба в эпоху бронзы. – Новосибирск: Наука, 1985. – 200 с.

Молодин В.И. Памятник Сопка-2 на реке Оми (культурно-хронологический анализ погребальных комплексов эпохи неолита и раннего металла). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2001. – Т. 1. – 128 с.

Рассыпнов В.А. Природа Алтая. – Барнаул: Изд-во Барнаул. гос. пед. ун-та, 2000. – 158 с.

Ревакин В.С., Пушкарев В.М., Ревакина Н.В. География Алтайского края. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 1989. – 128 с.

Сидоренко М.Н. География Алтайского края. – Барнаул: Алт. кн. изд-во, 1972. – 96 с.

Ситников С.М. Результат археологических разведок в Бурлинском районе Алтайского края // Проблемы охраны,

изучения и использования культурного наследия Алтая. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 1995. – С. 69–72.

Ситников С.М. Новые находки эпохи бронзы из Хабаровского района // Изв. Лаборатории археологии. – Горно-Алтайск, 1997. – № 2. – С. 140–142.

Ситников С.М., Васильев С.К., Кирюшин К.Ю. Анализ фаунистических остатков с поселения Новоильинка III // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2007. – Т. 13. – С. 363–366.

Ситников С.М., Грушин С.П., Гельмелъ Ю.И. Поселение Новоильинка III – новый памятник неолита в Северной Кулунде // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. – Барнаул: Азбука, 2006. – Вып. 15. – С. 280–282.

Удодов В.С. Некоторые результаты археологических исследований на р. Бурле // Охрана и использование археологических памятников Алтая. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 1990. – С. 39–43.

Харинский А.В., Емельянова Ю.А., Рыков Г.К. Северо-западное побережье озера Байкал в бронзовом веке: по материалам стоянок // Изв. Лаборатории древних технологий. – Иркутск: Изд-во Иркут. гос. техн. ун-та, 2009. – Вып. 7. – С. 86–112.

Чаиркина Н.М. Энеолит Среднего Зауралья. – Екатеринбург: УрО РАН, 2005. – 314 с.

Материал поступил в редколлегию 16.04.10 г.